

High-Hume против High-Tech?

Антипов Г. А.

доктор философских наук, профессор

*Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИИХ"
(Новосибирск, Россия)*

Подобную форму – того или иного противопоставления «высоких технологий» и «гуманитарных технологий» приобретает сейчас проблема, сформулированная ещё в середине XX века Чарльзом Сноу в его эссе «Две культуры». Духовный мир Запада, считал он, поляризуется, распадаясь на две части: с одной стороны «художественная интеллигенция», с другой – учёные, прежде всего физики. Их разделяет стена непонимания. Создаётся впечатление о невозможности объединения этих двух культур. В то же время, полагал он, от их взаимодействия можно было бы ожидать появления новых творческих проявлений. У нас поэтическим отзвуком пущенной Сноу волны стали строки Бориса Слуцкого: «Что-то физики в почёте, / что-то лирики в загоне. Дело не в простом расчёте, дело в мировом законе...».

Сегодня, как видно, коллизия «двух культур» переводится в план «высоких технологий». Меняется весь контекст толкования их взаимоотношений. Говорят, стремительное проникновение в жизнь человека нового технологического уклада может привести к нарушению сложившегося баланса, что, «как показывает история», неизбежно приводит к катастрофе. Утверждают (Акоп Назаретян), что согласно расчётам на протяжении миллиардов лет природа и затем общество развивались по определённым векторам в режиме последовательного ускорения, а периоды между фазовыми переходами биосферной, прасоциальной и социальной эволюциями сокращались в соответствии со строгим логарифмическим законом. При экстраполяции полученной функции выходит, что около середины XXI века скорость глобальных изменений должна устремиться к бесконечности, а промежуток между фазовыми переходами к нулю. Необходимо построить новый баланс. И для этого вместе с усложнением процессов, происходящих в мире под флагом High-Tech, в обществе должен сформироваться запрос на технологии High-Hume, позволяющие сохранить в человеке человеческое.

Отсюда вырисовываются две фундаментальные проблемы, два направления дальнейших исследований. Во-первых, общие механизмы социальной эволюции, в векторе которых и появляются алармистские рассуждения о нарушении техно-гуманитарного баланса и необходимости совладать с растущим инструментальным могуществом. Технологический прогресс, с одной стороны, повышает внешнюю устойчивость общества, с другой – способствует укреплению иллюзий о всемогуществе разума, что в конечном итоге ведёт к антропным кризисам. Возрастает социальное насилие, разрушается природная среда, снижается внутренняя устойчивость общества. Вопрос, в частности, в том, насколько методологически обоснованы подобные расчёты и экстраполяции.

Вторая линия аргументации очевидным образом вытекает из первой. Её содержание – факторы, воздействующие на технологические прорывы, их природа и особенности. Крайним пунктом подобных обсуждений можно считать так называемый технологический императив, суждение, в соответствии с которым всё то, что становится технически осуществимым, неизбежно будет реализовано. Это совокупность знаний, ценностей, а также методов передачи информации, организующих людей и побуждающих к определённым коллективным действиям. Правда, сразу же бросается в глаза крайняя гносеологическая пестрота предлагаемых конкретизаций. К хай-хьюму относят философию, гуманитарные науки, религию, искусство во всех проявлениях (одежда, дизайн, музыка и проч.), а также широкий спектр всевозможных гуманитарных ноу-хау

(методик преподавания, маркетинг, общения и проч.). Сюда же относят возникшие в глубокой древности методики «нематериального» воздействия на массовое сознание. Что же касается общей задачи восстановления баланса между развитием высоких технологий и состоянием «всего человеческого», то основным средством здесь полагают гуманитарные науки, констатируя в то же время их кризисное состояние на сегодняшний день. Причина в том, что доминирующим трендом познания было развитие естествознания и технических наук.

Невразумительность всей ситуации не может быть преодолена без интерпретации общего гносеологического статуса «гуманитарных технологий», имея в виду учёт видимых уже в первом приближении различий включаемых в их контекст компонентов.

Вообще технологиями можно считать любые совокупности методов и методик, ориентированных на изменения некоторого материала в соответствии с определёнными задачами. Технологическая, или инженерная задача всегда заключается в том, чтобы изменить некоторый материал соответственно задаваемым свойствам. Собственно научные же задачи сводятся к выявлению свойств материала, присущих ему самому, независимо от человеческих потребностей. В этом и заключается основное различие между любыми формами собственно научного знания и «техническими науками». Соответствующим образом выстраивается отношение между наукой и инженерией. Знание свойств материала, присущих ему самому, необходимо для успешного решения тех задач по изменению данного материала, которые вырастают из человеческих потребностей. Объективные свойства реальности задают границы возможных её изменений с точки зрения человеческих потребностей.

Так дело обстоит в общем случае. Но как быть в ситуации, когда речь идёт о «материале» человеческой, неприродной реальности и её свойствах? Действительно, эти свойства даны познающему субъекту иным, нежели естествоиспытателю образом. Они «не даны в ощущениях, существуя независимо от них». Их объективность – независимость от индивидуального сознания, от мыслящего Я. Это статус, впервые открытый Платоном, описанный Гегелем, представленный «Третьим миром» Поппера. В общем подходе это объективность культурной формы. В ощущениях эти «вещи сами по себе» представлены знаковыми системами, а не «вещами для нас».

Соответственно, если вектор научного познания ориентирован на объективную реальность второго рода, мы имеем дело с социальными науками в собственно смысле. Конкретнее, речь должна идти о социальных институтах. Тогда технологии, социальная инженерия – суть изменения, перестройки данных институтов, учитывая научно познанные свойства их. Но наряду с этим здесь представлен ещё один познавательный вектор, в принципе отсутствующий в естествознании, и дающий основания быть отнесённым к собственно к гуманитарии. Это аналитика (используя аналогию) «вещей для нас», то есть того, как субъективно воспринимаются индивидом те или иные институциональные формы, ибо именно их восприятием люди руководствуются в своей жизнедеятельности. Поэтому основной эмпирической процедурой теперь уже гуманитарных наук становится процедура понимания. Соответственно будут различаться «нормальная социология» и «феноменологическая социология», «нормальная психология» и феноменологический её вариант. Если «нормальные» науки о человеке задают необходимые предпосылки для социальной инженерии, то феноменологические их варианты – для социальных практик. Подобное только и позволяет относить к сфере гуманитарных технологий религию, искусство и т.п.